

УДК 82.083

К ВОПРОСУ О МЕХАНИЗМЕ СОЦИАЛЬНОГО ВЗРЫВА В РОМАНЕ-АНТИУТОПИИ А. ВОЛОСА «МАСКАВСКАЯ МЕККА»

Лобин А.М.

ФБГОУ ВПО «Ульяновский государственный технический университет», Ульяновск, Россия, (432027, Россия, г. Ульяновск, ул. Северный Венец, 32)

В данной статье представлена характеристика структуры общества будущего и механизма социального взрыва, описанного в романе-антиутопии А. Волоса «Маскавская Мекка». На данном материале рассмотрено представление о причинах и роли революции в истории России, актуальное для современного общественного исторического сознания. Футурологическая концепция писателя в исследуемом произведении рассматривается как составляющая его художественно-философской концепции истории, реализованной в рамках постсоветского художественно-исторического дискурса. Основываясь на анализе сюжетобразующих конфликтов и содержания романа в целом, автор статьи делает вывод: модель общества будущего в изображении А. Волоса лишена четкой социально-классовой структуры, а причиной изображенного им революционного взрыва является комплекс деструктивных психологических факторов. Отмеченная эволюция авторской концепции истории является закономерным следствием процессов, происходящих в российском социуме XXI века.

Ключевые слова: современная антиутопия, художественная футурология, структура общества будущего.

ON THE MECHANISM FOR SOCIAL BREAKDOWN IN A.VOLOS' DISTOPIA “MASKAVSKAYA MEKKA”

Lobin A.M.

Ulyanovsk state technical university, Ulyanovsk, Russia (32, Severny Venetz str.,432027 Ulyanovsk, Russia)

The article deals with the description of the structure of a future society and its breakdown in A.Volos' distopia *Maskavskaya Mekka*. An analysis of the plot structure and the system of characters reveals the author's critical attitude to the utility of violent acts in improving the society shared by the public in Russia nowadays. The author's concept of future in this book is part of his aesthetic and philosophical understanding of history, which is, in its turn, part of post-soviet historical fiction discourse. The crucial plot-forming conflicts of the novel are analyzed, which leads to the conclusion that Volos' version of the future society lacks social and class structure. Its breakdown is caused by a complex of destructive psychological factors.

Keywords: modern distopia, futurology in fiction, structure of the future society

Одним из наиболее динамично развивающихся жанров в современной литературе стал жанр антиутопии. Причины этого явления очевидны – это социально-экономические и культурные изменения, произошедшие в нашей стране на рубеже XX–XXI веков, результаты которых многими авторами расцениваются как негативные: «антиутопические ... сюжеты в литературе становятся распространенными в эпохи, когда в обществе утверждается мысль, что существующая ситуация утвердилась надолго и имеет явную тенденцию лишь ухудшаться в будущем, а людей не покидает ощущение отчуждения от участия в истории» [7, 270]. Первое десятилетие XXI века относится именно к таким периодам, поэтому жанр антиутопии в России начал бурное цветение. Критики в число таких антиутопий относят произведения Дмитрия Быкова («ЖД», «Эвакуатор»), Ольги Славниковой («2017»), Сергея Доренко («2008»), Владимира Сорокина («День опричника»), Андрея Волоса («Маскавская Мекка», «Аниматор»), Е. Чудиновой («Мечеть парижской богоматери») и многие другие.

Антиутопия в широком смысле этого понятия представляет собой текст, описывающий

модель антиидеального мира, созданный с целью изменения общественного сознания, поэтому одной из важнейших составляющих ее содержания является характеристика общества будущего, его социально-экономическая структура и общественные конфликты, на основе которых строится сюжет произведения. Объектом исследования в данной статье является социальная структура общества, описанного в романе А. Волоса «Маскавская Мекка», а ее целью – характеристика художественно-исторической концепции автора, определяющей поэтику произведения.

Роман был опубликован в 2003 году, когда социально-экономические реформы в России приняли необратимый характер и одним из наиболее острых вопросов, вставших перед общественным сознанием, стала оценка перспективы вхождения России в глобализованное мировое сообщество и определение ее места в нем. В антиутопии А. Волоса представлены два варианта достаточно отдаленного будущего конца XXI в.: технически развитый глобализованный Маскав (бывшая Москва) и аграрный Гумкрай, моделирующий советскую «глубинку» середины прошлого века. Эти почти автономные художественные миры представляют собой два временных и культурных полюса российской истории, или, как образно сказано в аннотации к роману, *«прошлое и будущее России сходятся здесь вплотную и едва ли позавидуешь тому, кто угодил между ними»* [1, 2]. Эту особенность романа критик И. Кукулин охарактеризовал как «конфликт ... восприятие советской и постсоветской истории в качестве двух несовместимых и борющихся кошмаров» [4, 260].

Мир Краснореченского Гумкрая, где наличествуют гумхозы (совхозы), УКГУ (аналог НКВД), обкомы, профкомы и многие другие атрибуты советской действительности, с точки зрения заявленной темы, существенного интереса не представляет, поскольку, несмотря на высокие художественные достоинства произведения, в литературном отношении является во многом вторичным: «длинный ряд аллюзий и переключек роднит роман Волоса с антисоветской, диссидентской традицией антиутопии» [4, 261]. Поэтому основным материалом для анализа в данной статье является художественно более новый вариант развития российского общества, репрезентированный автором в описании Маскава.

Описанный в романе Маскав представляет собой столицу государства, где разные этносы и религии объединены в Великом Слиянии под символами единого бога. Самой заметной чертой этого социума становится резкое увеличение мусульманского влияния: и сам город уже на таджикский манер называется Маскавом, и парламент – меджлисом, и центр города не Арбат, а Рабад. Такая глобализация с «исламско-азиатским акцентом» [3, 188] вызывает закономерный шок у читателей, поскольку в российском общественном сознании мусульманский Восток никогда не ассоциировался с прогрессом и цивилизацией. И если автор рассчитывал на провокативный эффект, то он его безусловно добился, поскольку

все критики начинают свои рецензии именно с этой особенности романа, характеризуемой весьма иронично: «вместо цивилизованного рынка на стогнах Третьего Рима перекипает восточный базар» [2, 192], «наступление Востока в самых худших и внешних его проявлениях на европейскую цивилизацию» [6, 142] и пр.

Однако при более внимательном изучении выясняется, что все не так страшно с этим «исламским владычеством». Да, мусульмане традиционно угнетают славян, но и курдов в очереди на бирже труда также хватает, а среди богатых граждан вполне достаточно и немусульман. В описании А. Волоса Маскав никак не напоминает ортодоксальный город, живущий строго по законам шариата: здесь церкви и мечети стоят рядом, женщины свободно ходят с открытыми лицами, не запрещены изображения людей, алкоголь и другие блага западной цивилизации.

В конечном итоге, причиной описанных в романе кровавых событий стал все же не межнациональный, а социальный конфликт, так как мотив национальной розни в романе дополняется гораздо более острой проблемой классового неравенства: кроме блистающего роскошью Рабад-центра, в Маскаве есть и нищие окраины, где проживает множество безработных. Их бедность, впрочем, весьма относительна: *«никто в Маскаве с голоду не умирает. Можешь лечь и не шевелиться – и все равно будешь получать четыре дирхама социального пособия... На Майорку не поедешь, конечно... но на еду хватит. И на одежонку кое-какую – тоже»* (103). Наиболее существенным ограничением является так называемый «беби-мед», то есть право легально родить ребенка, для получения которого следует представить декларацию о доходах не ниже установленной суммы, слишком высокой для безработных. *Но и «бэби-мед можно и так купить... Платишь дороже раза в три... или, может быть, в пять... и пожалуйста. Никаких проблем»* (38). Однако такая жизнь полностью бесправна и лишена перспектив: *«растут детишки как трава. Десять лет – а букв не знает... Родители на пособия сидят или ящики ворочают – если повезло, – а отпрыск собакам хвосты крутит, корк [популярный легальный наркотик – А.Л.] с малых лет посасывает...»* (38).

Этот конфликт между роскошью и нищетой заявлен буквально с первых же страниц романа и в «маскавском» сюжете становится ведущим: «Волос настаивает на сохранении этих двух враждующих полюсов богатства и бедности именно потому, что деньги – главная сюжетобразующая сила в романе. По Волосу, мировое сообщество будущего сумеет преодолеть все розни, все неравенства, все несогласия, кроме этой извечной и элементарной, как инстинкт, вражды богатых и бедных. Деньги, таким образом, обошли и религию, и культуру по принципиальной своей важности для бытия человека» – пишет В. Пустовая [5, 176].

Анализ сюжета приводит, на первый взгляд, к тем же выводам: главными героями маскавской части стали безработный физик Алексей Найденов и его жена Анастасия. Начинается роман с того, что Найденов, уже отчаявшийся получить хоть какую-нибудь работу, находит на улице билет т. н. «Кисмет-лотереи» [кисмет на тюрк. означает Судьба – А. Л.], в которой можно выиграть или проиграть огромные суммы, но проигравший, который не сможет расплатиться деньгами, должен отдать в качестве проигрыша руку, ногу или жизнь. Это шоу проходит в отеле «Маскавская Мекка», куда идет, поссорившись с женой, Найденов. В итоге он проигрывает жизнь, но его освобождают участники восстания, организованного некой Коммуно-социальной партией трудящихся, которую финансирует крупный делец Кримпсон-Худоназаров, бывший сокурсник Алексея и безнадежный поклонник Анастасии. Анастасия обращается к нему за помощью, но в начавшихся беспорядках Худоназаров случайно погибает, а она, прихватив его бумажник, спешит в «Мекку». В конечном итоге супруги Найденовы остаются живы и уезжают в Гумкрай, где, судя по контексту, попадают в фильтрационный лагерь. Фабульно их семейная драма очень тесно переплетается с давно назревающим социальным взрывом, образуя целостный динамичный сюжет, в котором последовательно раскрывается антиутопическая концепция А. Волоса.

Однако, несмотря на значимость мотива денег и социального неравенства, мнение В. Е. Пустовой все же представляется излишне категоричным – если считать главной жизненной ценностью именно деньги, то поведение многих героев романа выглядит совершенно иррациональным. Олигарх Худоназаров тратит огромные деньги на поддержку революции, которая лично ему никаких материальных выгод не сулит, но обладатель состояния, позволяющего финансировать целую партию, также ненавидит общество, в котором так успешно процветает: *«пусть все идет прежним порядком: глупость, злоба, жадность, деньги, власть, страх! И смерть – единственное, что дается бесплатно! Да?... истинная помощь при гангрене – не зеленка, а хирургическое вмешательство ... Ампутация! Гниющий член должен быть отрезан и брошен собакам!..»* (189-190) – таково политическое кредо человека, который ворочает десятками миллионов, но *«себе глотка вина никогда не позволял»* (189).

Не выглядит разумным с финансовой точки зрения и поведение Анастасии Найденовой, имеющей возможность в любой момент уйти к влюбленному в нее миллионеру, но вместо этого многие годы прозябающей в нищете, не позволяющей даже легально родить ребенка, потому что ей *«втемяшилось, что без Алексея никак – и хоть ты кол на голове теши»* (180) и для него она готова на любой риск и жертвы. Но Анастасия, все же, отнюдь не беззаветно влюбленная дурочка, для которой Ее мужчина – единственный смысл жизни. Нет, у нее есть Мечта: эмигрировать в Гумкрай, как переехал туда когда-то ее дядя Федер,

который писал, что там *«живут себе люди... трудятся. Детей растят! ... Отгородились от нас – и живут себе по-прежнему... По-человечески! Как было. Понимаешь? Никто никого не угнетает. У всех работа!»* (41). Эти «было» и «по-прежнему» ясно показывают, что советское прошлое представляется для нее Золотым веком, а базовыми ценностями для Анастасии Найденовой являются отнюдь не комфорт и достаток, а счастливая полная семья и работа – видимо, поэтому Кримпсону-Худоназарову так и не удалось сманить ее в свой шикарный дом.

Чего именно не хватает героям А. Волоса? Чего хотят бедные, было заявлено буквально на первых страницах неким безымянным агитатором: *«зачем мы пережили ужасы Великого Слияния? ... Чтобы теперь подыхать с голоду? Для чего погибали наши отцы? – чтобы у детей никогда не было работы? Они говорят, что теперь все равны!.. мир счастлив!.. нет ни христиан, ни мусульман, ни буддистов!.. все мы – братья в едином Боге! Да оглянитесь же! Нам просто заговаривают зубы! Мы – гнием в нищете! Они – купаются в роскоши! И это – равенство?!»* (9). Можно предположить, что основным мотивом всех этих выступлений является не сама по себе нищета, а разочарование в итогах так называемого Слияния и остром чувстве бесправия – не случайно наиболее осмысленными лозунгами демонстрантов стали такие как *«Не хватит совести хватит фанарей»* и *«Прикратите издвигаться»* (82).

Не все так просто и с мотивацией состоятельной части общества. Стремление маскавцев к деньгам объясняется не только тягой к материальным благам, которые они обеспечивают, но и их желанием защититься от жестокости и несправедливости этого мира, что ярче всего проявилось именно в самой идее кismet-лотереи: *«это последнее, чем можно заманить людей рисковать деньгами [имеется в виду опасность для жизни и здоровья – А.Л.]. «Что появится вот такой лох, поставит бабки на кон – бабки, которых нет! – и проиграет! И ему прилюдно отрубят руку! В зале! На эстраде! Р-р-раз! – и нет руки! А все стоят вокруг и думают: боже, какое счастье, что это не я кричу!»* (332), – так объясняет идею этой лотереи ее создатель. Таким образом, в антиутопическом мире «Маскавской Мекки» основной проблемой является подавление человеческой личности со стороны общества и никакие деньги не могут маскавцам гарантировать не только психологического комфорта, но даже и элементарной безопасности.

Кульминацией маскавской части романа является описание массовых беспорядков, в которых находит выход недовольство масс. Назвать это выступление Революцией вряд ли представляется возможным, так как ничего, что можно было бы охарактеризовать как собственно историческое событие, здесь в конечном итоге не совершается. Беспорядки в Маскаве могли бы претендовать на этот статус только в том случае, если бы они завершились

каким-нибудь социально значимым результатом – хотя бы явным провалом и последующим разгулом реакции. Но все закончилось достаточно рутинно: *«город долго пребывал в глубоком обмороке, но мало-помалу ожил и зализал раны. Интенсивные восстановительные работы в Рабад-центре не прекращались на протяжении нескольких месяцев ... Через год у Малахитовой арки состоялось торжественное открытие траурного мемориала, посвященного жертвам октябрьских событий, и в беспокойном мире людей стало одним вечным огнем больше»* (414).

Анализ сюжета приводит к выводу, что основной причиной такого провала стало отсутствие подлинного руководства. Движущей силой описанного социального взрыва стали остро осознаваемые социальное неравенство и ощущение собственной ненужности. Эти постоянно действующие в мире Маскава факторы не могло компенсировать пособие по безработице, однако, для того, чтобы достаточно разогреть и направить постоянно существующее недовольство масс, потребовалась активная пропаганда. Так, десятую *«махаллю»*, в которой жили Найденовы, поднял на борьбу некий Фитиль, который только *«месяца два назад стал захаживать. То у скамейки торчал, где ребята козла забивают, ... то на детской площадке – по теплой погоде там тоже, бывало, распивали ... Пел чего-то такое про справедливость там свою ... ребята Фитиля заужажали – мол, дело говорит Фитиль ... Ловко у него получается, ничего не скажешь. Жучило. Завел пацанов. Раскрутил»*, – вспоминал один из участников событий (306).

Из дальнейшего описания событий становится ясно, что этот Фитиль – один из агитаторов Коммуно-социальной партии трудящихся, лидеры которой располагали транспортом в виде *«"форда-саладина" и двух тяжелых джипов сопровождения ... Все машины представляли собой утяжеленные бронированные VIP-версии прототипов, и каждая из них в случае дорожного столкновения могла бы показать результаты не худшие, чем демонстрирует танк М-класса "темуджин"»* (246-247). Этот Фитиль, также как и другие функционеры КСПТ, не только провел предварительную агитацию и организацию, но и шел с колонной до «Маскавской Мекки», причем не столько руководил сам – толпа сама выдвигала вожаков – сколько постоянно подогревал недовольство.

На первый взгляд, можно предположить, что именно КСПТ представляет собой организованную направляющую силу этого общественного движения, но сделать это не позволяют многие обстоятельства. Очевидно, что вся эта «революция» была организована на деньги Худоназарова и его случайная гибель сразу же поставила на ней крест: *«правительство смогло взять события в Маскаве под контроль ... это стало возможным почти исключительно благодаря трагической и нелепой гибели Кримпсона-Худоназарова С.М., повлекшей временный арест его авуаров и иссякание денежных потоков, шедших... на*

обеспечение финансовых механизмов восстания» (413). Можно только гадать, о каких собственно «финансовых механизмах» идет речь, если восставшие действовали исключительно обрезками железных труб. Так на что же ушли выделенные покойным банкиром огромнейшие суммы, эти «полтора миллиона таньга» (179)? На зарплату пропагандистам? На оплату мобильной связи? На бронированные машины представительского класса?

В таком контексте КСПТ выглядит отнюдь не революционной партией, выражающей чьи-то классовые интересы, а скорее PR-агентством, специализирующемся на организации массовых беспорядков. Именно поэтому, лишившись источника финансирования, *«Зарац В.В., руководивший коалицией левых сил, в конце октября неожиданно резко переменил политическую позицию, выступив инициатором примирения и одним из авторов воззвания к народам Маскава, вошедшего в историю под названием "письмо сорока семи". Уже в середине ноября Зарац В.В. был кооптирован в парламент, возглавил вновь образованную "умеренную" фракцию КСПТ и много сделал на ниве социального согласия» (413).*

В интерпретации А. Волоса механизм описанной «революции» совершенно не соответствует теории К. Маркса: вместо класса пролетариев основной ее действующей силой становятся безработные люмпены, чье постоянное закономерное недовольство подогревают оплаченные безликие агитаторы. Воодушевляет восставших только инстинктивная ненависть к богатым, а отнюдь не идея социальной справедливости. Такой настрой закономерно определил итоги штурма «Мекки»: грабеж и массовый загул. И последним всплеском активности масс, брошенных своими вожаками, стала деятельность *«так называемых "соцтрибуналов"... учрежденных в некоторых районах Маскава левым крылом КСПТ и взявших на себя, по их собственным декларациям, "народный контроль за порядком и законностью". Чем яснее становилось, что восстание утихает, теряя пыл и напор первых дней, тем с большей жестокостью действовали соцтрибуналы, стремясь истребить проявления любого инакомыслия, опасного для развития революции и именуемого, в их терминологии, "социзменой". Как ни парадоксально, большая часть соцтрибунальцев, торопливо и неряшливо вершивших расправу над заподозренными в социзме, вскоре сами становились жертвой деятельности соцтрибуналов, а на их место приходили новые энтузиасты. Этот страшный механизм крутился до двух часов ночи шестого ноября, когда на Миусской площади был осуществлен последний бессудный расстрел большой группы видных членов КСПТ и народных активистов» (414).*

В конечном итоге, А. Волос описал типичный бессмысленный и беспощадный русский бунт. И провал его вполне закономерен, поскольку никакой зрелой идеологии, то есть

позитивной программы построения нового будущего, не было ни у Худоназарова, ни у «коммуно-социалистов». В целом, авторская концепция истории выглядит упрощенной до предела, что не могло не отразиться в простоте экономической и социальной структуры изображаемого антиутопического мира. В Маскаве есть очень бедные (безработные) и очень богатые (банкиры, торговцы и пр.), но почти не видно собственно работающих людей (за исключением охранников и услуги). На чем основана экономика Маскава: экспорте нефти и газа, или промышленном производстве – также неясно. Впечатление аморфности социальных структур в Маскаве усиливается относительной анонимностью его правительства: даже неизвестно, кто в нем, собственно, является президентом и какова его позиция, да и средства, которые это правительство использует, являются явно недостаточными – так, для пресечения погромов власти ограничились полицейскими заслонами, использующими малоэффективные шокерганы (электрошокеры), от которых только *«на два часа разряд в бессознанку бросает ...»* (307).

Именно предельная структурная простота описанного общества Маскава и придает ему стабильность – здесь просто нет противоречий, способных стать причиной позитивного развития. Постоянно же существующий конфликт между безликой нищей массой и столь же безликой правящей верхушкой выливается в регулярные, судя по всему, массовые погромы, не дающие существенных социальных и экономических перемен в ту или другую сторону. И эта же простота закономерно смещает проблематику романа в область психологическую, сводит все многообразие социальных и культурных процессов к элементарным деструктивным коллективным эмоциям.

Список литературы

1. Волос А. Маскавская Мекка. — М. : Зебра Е, 2005. — 416 с.
2. Ермолин Е. Книжная полка // Новый Мир. — 2003. — № 10. — С. 190-195.
3. Кабаков А. Предсказание настоящего // Октябрь. — 2004. — № 1. — С. 188-189.
4. Кукулин И. Гипсовые часы // НЛО. — 2004. — № 68. — С. 260-269.
5. Пустовая В. Скифия в серебре. «Русский проект» в современной прозе // Новый мир. — 2007. — № 1. — С. 168-188.
6. Тернова Т. «Сейчас намного позже, чем нам кажется...» // «Подъем». — 2007. — № 6. — С. 141-153.
7. Чанцев А. Фабрика антиутопий: Дистопический дискурс в российской литературе середины 2000 // НЛО. — 2007. — № 86 — С. 269-301.

Рецензенты:

Дырдин А. А., д.фил.н., профессор, зав. кафедрой «Филология, издательское дело и редактирование», ФГБОУ ВПО Ульяновского государственного технического университета. г.Ульяновск.

Макаров Д. В., д.культурологии, доцент, зав. кафедрой филологического образования ОГБОУ ДПО Ульяновский институт повышения квалификации и переподготовки работников образования, Министерство образования Ульяновской области, г. Ульяновск.